

Андрей Платонов — публицист

По страницам воронежских газет
двадцатых годов

Снимок 1923 года

ЛЕТ ПЯТНАДЦАТЬ НАЗАД я выписал в Библиотеке имени В. И. Ленина подшивку воронежской губернской газеты «Красная деревня» и в номере за 18 июля 1920 года нашел поразительные строки: «Женщина и мужчина — два лица одного существа — человека; ребенок же является их общей вечной надеждой. Некому, кроме ребенка, передавать человеку свои мечты и стремления; некому отдать для конечного завершения свою великую обрывающуюся жизнь. Некому — кроме ребенка».

Так начиналась статья «Душа мира», написанная двадцатилетним воронежским журналистом Андреем Платоновым.

В разгаре гражданская война. Не прошло и года после освобождения Воронежа от нашествия конницы Мамонтова. Разруха, голод, разгул бандитизма в уездах. Газеты заполнены тревожными сообщениями с фронтов. И в это время небольшая по формату крестьянская газета не жалеет места для платоновского гимна женщине-матери, в котором новая, социалистическая мораль заявила о себе отчетливо, мощно и яростно.

В начале 70-х годов еще не была переиздана та одна из ранних статей писателя, и я решил разыскать и переписать все, что было опубликовано им в Воронеже с 1918 по 1926 год — до переезда в Москву. Сейчас заметки, рецензии, статьи, очерки, фельетоны (а также стихи и рассказы) Андрея Платонова составляют в моем собрании более пятисот машинописных страниц, однако это едва ли половина опубликованного им в газетах послереволюционного восьмилетия.

Предлагая различным редакциям тексты раннего Платонова, я чаще всего получал отрицательные ответы. «Знаете, — говорили мне, — это все-таки публицистика, а не проза...» Или: «Конечно, это проза, но, согласитесь, не все равноценно в творчестве Платонова».

Допускаю, что, может быть, и не все равноценно, но существенно в наследии писателя такого масштаба — все.

ЧИТАЯ газетные статьи А. Платонова начала двадцатых годов, ловишь себя на том, что написаны они как будто сегодня — о наших проблемах. «Отчего у нас еще не наладилась дисциплина труда, нет согласного общего такта работы, нет трудовой совести? — спрашивает автор 30 июля 1920 года в газете «Красная деревня». — Потому что нет чистого, общего всем рабочего, пролетарского сознания, нет ясного представления о человеческой борьбе и чутья правды». Устарела ли эта публицистическая мысль писателя? Нисколько! И подобных примеров можно привести множество.

Статьи Платонова интересны и тем, что в них ярко отразились самобытная личность молодого журналиста, его жизненные принципы, симпатии и антипатии. Платоновская публицистика предельно автобиографична, но нигде, пожалуй, это не проступает так ощутимо, как в материалах о героях труда.

Во времена военного коммунизма когде бытовало мнение, что раз революция установила социальное равенство, то понятие «герой» (войны или труда) неправомерно. Все равны — значит, все одинаковы. У некоторых платоновских коллег-журналистов существовали иллюзии, что после революции, узаконившей новые социальные отношения, высокопроизводительный труд явится естественным путем, придет сам собой. А когда действительность эти иллюзии разрушала, возникал недоуменный вопрос: как же так, отчего до сих пор нет порядка и хромает трудовая дисциплина? Так, в воронежском журнале «Железнодорожный путь» в январе 1919 года говорилось: «Ведь уже год диктату-

ра пролетариата! Пора привыкнуть работать!»

Платонов хорошо понимал, что сама по себе привычка работать дисциплинированно, высокопроизводительно, творчески к пролетариату не придет. Необходима стройная система мероприятий по воспитанию революционной сознательности рабочих, а уравниловка в оценке труда будет только вредить делу.

7 ноября 1920 года очерком «Герои труда (кузнец, слесарь, литейщик)», опубликованным в «Воронежской коммуне», Платонов начинает широкую газетную кампанию по утверждению общественного признания выдающихся рабочих, мастеров своего дела. И среди героев очерка — Платон Фирсович Климентов, отец писателя.

Надо было обладать немалой смелостью, чтобы, не боясь слухов, упреков и подозрений, с такой любовью и глубочайшим уважением написать в газете об отце как о великом рабочем, мастере, изобретателе, все дни которого «выдающиеся, все необыкновенны, каждый день — это схватка, явление художественного мастерства и битва со сталью и железом за техническую, точную, и прекрасную форму».

Читатели «Сокровенного человека» помнят, как убедительно и подробно описана в повести работа на снегоочистителе. Трудно поэтому удержаться, чтобы не процитировать соответствующий отрывок из очерка:

«Слесарь Климентов ездил несколько самых суровых снежных зим, год-два назад, со снегоочистителем. Эта работа требует героизма и сопряжена с прямой смертельной опасностью. Особый вагон, снабженный аппаратом для очистки рельс от снега, цепляется к паровозу, и тот развивает огромную скорость, так как очистка при этом совершенней. Вагон врезается в сугробы и сбрасывает их крыльями далеко в стороны. При сравнительной легкости вагона опасность схода с рельс на полном ходу очень велика... Необходимо уметь не спать и напряженно, без поминания работать, так как переезды вагон проскакивает без работы и надо вовремя, по команде поднимать ножи, иначе можно наткнуться на переезд и быть сброшенным под откос. В этой борьбе со снегом были удивительные случаи рабочей выдержки и упорства, здесь их не передать. И это слесарь Климентов в зимние выгои пробивал сугробы своей машиной, чтобы пускать вслед за нимские эшелоны на Деникина. По десяти суток он не выходил из машины и почти не спал, не раз наскакивал на неодолимые снежные горы, и их заносило до крыш».

Убежден, что только со слов отца описать все это невозможно, что, вероятно, и самому Платонову случалось сутками «не выходить из машины». Иначе не объяснить и поразительную достоверность страниц «Сокровенного человека», посвященных работе Фомы Пухова на снегоочистителе.

Газетная кампания, начатая Платоновым, завершилась принятием постановления Воронежского губсовпрофа от 8 декабря 1920 года. Вводилось звание «Герой труда», определялся порядок поощрения лучших рабочих и выделялся для этого наградной фонд. А имя отца Платонова в воронежской прессе стало в ряд с именем легендарного Олеко Дундича: «Наши Климентовы, наши Дундичи».

В ВОРОНЕЖЕ первой половины двадцатых годов А. Платонов был известен как едва ли не самый яркий популяризатор науки и одновременно организатор научно-производственных работ в области мелиорации, электро- и гидротехники. Многие его статьи на эти темы, по мнению специалистов, не потеряли своего значения и сегодня. Однако, всецело захваченный идеей немедленного спасения человечества от голода, холода и нищеты, он опубликовал также ряд совершенно фантастических научно-технических проектов и прогнозов, не выдержавших ни точного расчета, ни проверки временем.

Например, в ноябре 1922 года в

статье «Электрические воздушные линии» А. Платонов предлагал начать в воронежских мастерских работы по созданию особого летательного аппарата, своего рода воздушного троллейбуса. Идея эта столь же проста, сколь и неосуществима. Раз по всей стране, говорил Платонов, вскоре протянутся линии электропередач, значит, можно построить самолет с электродвигателем, который при помощи роликов и двух- или трехжильных проводов получал бы от высоковольтных линий энергию и летал, осуществляя перевозку «почты, пассажиров и точных грузов».

А. Платонов настоятельно советует обратиться к «центру», «если только центр слушает мысль мест, чтобы «выхлопотать... какой-нибудь старый аэроплан вышедшей из употребления конструкции и произвести опыты привязного полета над линией здесь, в Воронеже. Тем более, что это ни с какими особыми затратами не связано и все для таких опытов у нас в Воронеже найдется и можно сделать, чего нет».

Возникает вопрос: стоит ли подобные проекты, даже принадлежащие такому писателю, как А. Платонов, предлагать вниманию нынешнего читателя? В редакции одного научно-популярного журнала лишь иронически усмехнулись, когда я предложил перепечатать эту статью. Но взглянем на проблему с другой стороны.

Прошло четыре года после публикации «Электрических воздушных линий», и платоновский проект оживает на страницах остротационной повести «Город Градов». Инженер Паршин в градовских «мастерских райсельсоюза» строит «аэроплан сугубой мощности» для воздушной перевозки «не только багажа, но и объемистых кормов для скота». По существу, сокровенный проект Платонова-инженера служит в повести Платонова-писателя обличению градовского бюрократизма, когда наука и техника — лишь средство получения от государства все новых и новых ассигнований, способ демонстрации «центру» своей административно-бюрократической значимости.

Вообще связи платоновской прозы с его ранней публицистикой должны бы стать предметом специального исследования. Но для такого исследования необходимо прежде всего собрать, прокомментировать и издать публицистическое наследие писателя.

КАКОВА ЖЕ судьба этих текстов в настоящее время? К сожалению, весьма печальная. Лишь в 1981 году в журнале «Литературное обозрение» Л. Шубину удалось опубликовать четыре платоновские статьи, да в прошлом году журналы «Мелиоратор», «Комсомольская жизнь», «Студенческий меридиан», «Юность» и газета «Комсомольская правда» поместили несколько забытых платоновских материалов... А между тем газеты первых послереволюционных лет ветшают, бумага подчас просто рассыпается под пальцами, и многое из того, что удалось переписать 10—15 лет назад, уже почти невозможно прочесть. Неужели нужны еще десятилетия, чтобы, спохватившись, понять, что бесценные тексты утрачиваются безвозвратно?

Нельзя сказать, что сегодня впервые ставится проблема ранней платоновской публицистики. Неоднократно доказывал важное значение ее Л. Шубин. В 1978 году в журнале «Вопросы литературы» о том же вела речь В. Эйдинова. В книгах об А. Платонове так или иначе цитировались некоторые его статьи. Но изменилось ли это отношение издателей к раннему творчеству Платонова? Увы, нет, и по-прежнему большая часть опубликованных когда-то платоновских текстов остается неизвестной широкому кругу читателей.

Владимир ВЕРИН

Актуальные строки из прошлого

По законам буржуазии только сила есть право, кто сильнее — у того и справедливость. И буржуазия думает, что если мы так горячо хотим мира, значит мы слабы и нас можно уничтожить. Но она глубоко ошибается, она забывает, что, имея с нами дело, она имеет дело с совсем другим миром, с другими законами человеческих отношений. У нас каждое право есть неоспоримая сила, охраняемая всей железной машиной рабочего государства. Если по законам нашей страны всякий человек достоин уважения всего общества, то и общество есть предмет уважения каждого человека.

И, с другой стороны, каждое общество-государство обязано уважать все остальные государства, независимо от того, могущественны они или бессильны. Россия эту политику и стремится осуществлять, то есть политику мира и уважения прав других народов.

(«Красная деревня», 1 августа 1920 г.)

Вчера открылась губконференция РКП... Откровенное и открытое изложение действительного положения дела — это проходит яркой чертой во всех докладах. И это хорошо! Ведь единственное средство избавиться от ошибки — это ясно сознать ее и признаться в ней. Сознаться в своих ошибках, указывать на них всем товарищам, искать средств и мер избежать их на будущее время — это единственный смысл всех съездов и конференций.

(«Красная деревня», 6 октября 1920 г.)

Настоящей жизни на земле не было, и не скоро она будет. Была гибель, и мы рыли могилы и опускали тела брата, сестру и невесту. В каждом, рано умершем, в каждом погибшем человечество теряет своего спасителя. Как много хочется сказать и как трудно говорить, потому что сейчас нужны бойцы, а не мечтатели...

Великие видения, правду об этом мире мы видим во сне. Что сейчас делается в Поволжье? Это трудно вооб-

разить днем, когда кругом светло и видны простые, скучные хода явлений. Это можно увидеть только во сне, когда заторможены нервные трезвые центры — и ты свободен от своего рассудка, который всегда похож на спекулянта и стервеца. Но какая скука только писать о том, что миллионы, когда можно действовать и кормить их. Большое слово не тронет голодного человека, а от вида хлеба он заплачет, как от музыки, от которой он уже никогда не заплачет.

(«Воронежская коммуна», 25 августа 1921 г.)

Некогда многоводная, сильная река одрахла, истощилась, сошла до поганой лужи. И в значительной степени это случилось оттого, что человек приложил к реке свою руку... У нас, можно сказать, вообще здоровая вода не ценится, река, дескать, дело вечное, а ведь вода так же необходима и ценна, как и хлеб. Река, наравне с почвой, есть основа хозяйства.

(«Воронежская коммуна», 20 июня 1923 г.)